

кровати, смѣется и головой качаетъ!

Пѣсенка его была сѣта... Но жизнь бо-ролась съ послѣднимъ отчаяніемъ... Вспышки юмора становились короче, слабѣе... Какая-то мутная плева заволакивала зоркіе глаза...

Садовскій былъ необыкновенно цѣльной и характерной личностью. Прекрасный актеръ московскаго Малаго театра, «однимъ изъ стая славной», хорошій бытовой писатель, онъ кромѣ того былъ еще типичнымъ москвичемъ, котораго всѣ знали и любили.

— Михаила Провычъ-то? Помилуйте, да какъ же его не знать: Душевный человѣкъ. А ужъ поселъчакъ какой!

Такъ говорили «на Москвѣ».

Честный реалистъ въ своемъ искусствѣ, даровитый сынъ великаго отца, мужъ и внимательной русской актрисы и глава цѣлой артистической семьи, Садовскій сумѣлъ хранить въ своемъ домикѣ въ Трехпрудномъ переулкѣ завѣты лучшихъ дней Малаго театра. Онъ какъ-то поразительно тактично отклонялъ всякіе разговоры о театрѣ, объ актерахъ, когда обстановка или компанія не соответствовали такимъ изліаніямъ. Видно было, что для него сцена «святая святыхъ» и «со великимъ» не стала бы разговаривать объ искусствѣ старый актеръ. Иди, молю въ театрѣ, смотри мою игру, составилъ свое мнѣніе, ну даже поговори немного—и будетъ. Ни изліаній, ни олопопреній не любилъ покойный.

Зато онъ сиялъ, когда хвалили его жену и дѣтей:

— Провъ у меня молодець!.. И Лиза—хорошая актриса... Погодите, изъ Миши тоже прокъ выйдетъ... Ну, а про Ольгу Осиповну что же и говорить—генераль!

Скучно въ Маломъ театрѣ безъ Садовскаго. За послѣднее время онъ рѣдко игралъ, потомъ и вовсе пересталъ, а все-таки за кулисами и въ партерѣ какъ-будто виталъ остроумный духъ его замѣчаний. Будучи въ труппѣ «безпартійнымъ», Михаилъ Провычъ однако отрицалъ всякія новшества. Онъ, напримѣръ, признавалъ свѣжій талантъ Гзовской, но съ уморительнымъ упрямствомъ повторялъ:

— Зачѣмъ она босая танцуетъ?

Или:

— Что это у нея за студія такая?

Все «новое» въ искусствѣ онъ считалъ «баловствомъ», мадерничаньемъ и само-рекламой. По вкусу это былъ старинный человѣкъ, немного странный, немного сварливый.

Въ литературѣ Садовскій былъ незауряднымъ беллетристомъ. Большая наблюдательность, теплый юморъ, прекрасный языкъ отличали его рассказы. О писательствѣ своемъ онъ и вовсе умалчивалъ, конфузился, когда его хвалили въ глаза, а одинъ разъ на вопросъ нѣкоего безпечнаго на счетъ литературы московскаго приватъ-доцента:

— Какъ, Михайлъ Провычъ, вы тоже пишете?

Отрекся на-чисто:

— Нѣтъ, не пишу!

Что и вызвало дружный хохотъ присутствующихъ.

Впрочемъ, литературой Садовскій занимался только между прочимъ, на досугѣ, послѣ долгихъ упрасиваній и повуканій друзей. Львѣ-матюшка была хорошо извѣстна его разносторонне даровитой великорусской натурѣ.

И все это—и театрѣ и писаніе—совмѣщалось въ одномъ необыкновенно сложномъ, необыкновенно самобытномъ образѣ *москвича*.

Мы—москвичи! Что дѣлать, милый другъ! Книжъ насъ судьба насѣверъ иль на югъ,—У насъ вездѣ, со всей своею славой, Въ душѣ—Москва и Кремльъ золотого-главыи...

Москва Садовскаго была еще многообразнѣе, многорѣчистѣе той картинно-патріотической Москвы Каткова и Аполлона Майкова, образомъ которой поэтъ братался съ публицистомъ. Это была «Вся Москва»: официальная, дворянская, помѣщичья, провинціальная, церковная, монастырская, театральная, газетная, биржевая, рядская, артельная, трактирная и пр. и пр. У Садовскаго были друзья и на Поварской и на Таганкѣ. И всѣхъ-то онъ зналъ по имени и отчеству и всѣ-то перебивали у него за столомъ въ «Эрмитажѣ».

А этотъ «Эрмитажъ», этотъ позлащенно-зеркальный храмъ московской кухни, гдѣ столько лѣтъ подрядъ съ какимъ-то жреческимъ выраженіемъ засѣдалъ даровитый баловень первопрестольной!

Кажется, П. Д. Боборыкинъ, вкусивъ юбилейной лести, воскликнулъ нѣкогда:

— Въ Москвѣ три святыни: Кремль, Университетъ и... «Эрмитажъ»!

Во всякомъ случаѣ это—«брюхо Москвы», ея обжорная биржа, гдѣ проходить за день пестрый калейдоскопъ лицъ, живая галерея типовъ, которыхъ покойный артистъ, что называется, хваталъ живьемъ и удивительно воспроизводилъ въ своихъ сценическихъ и литературныхъ созданіяхъ. Надо было видѣть и слышать Садовскаго въ кругу знакомыхъ, когда на него найдется веселый стихъ и онъ начнетъ выкладывать свои познанія московскаго житья-бытья! Право, его изустные рассказы и неподражаемая передача были выше сцены и литературы.

А домъ его на углу Трехпруднаго и Мамонтовскаго переулковъ! Домъ былъ похожъ на хозяйна—старомодный, уютный, гостеприимный. Не казистъ на видъ, но помѣстителенъ, тепелъ, люденъ. Кого-кого изъ москвичей не перебивало въ немъ. Радшіе Садовскаго было извѣстно всякому, кто хоть однажды позвонилъ у этихъ дверей. Помню, какъ-то на масляной попалъ я сюда на блины. Народу пронасть: родные, знакомые. По комнатамъ синими полосами ходить блинный чадъ. Въ столовой суетня, бѣготня. Ольга Осиповна совѣмъ съ ногъ сбилась. А Михайлъ Провычъ зоветъ въ кабинетъ и подтруниваетъ надъ проголодавшимися гостями. Въ этой комнатѣ его излюбленный уютъ. Тутъ онъ пишетъ, читаетъ, дремлетъ. На стѣнахъ развѣшаны семейныя реликвіи. На окнѣ спитъ старая, жирная моська. Пусть ото всего этого вѣетъ старосвѣтскимъ обычаемъ, вѣдь обычай этотъ рѣдкость среди насъ. Пусть въ домикѣ и людно, и суетливо, но этимъ крѣпка хорошая русская семья, среди которой съ удовольствіемъ проведешь время.

А Малый театр! Жизнь его совершенно не походить на жизнь другихъ театровъ. «Коробка съ консервами», презрительно выразился кто-то. Неправда. Малый театръ такой же старенькій, людный и уютный особнячекъ, особнячекъ Мельпомены. Въ его закоулкахъ, боковушахъ, клѣткахъ-уборныхъ чувствуешь себя, какъ въ гостяхъ у бабушки. Съденкіе капельдинеры, шамкающія уборщицы, разные Прохорычи,

Степаньичи, Дуночки, Прасковьюшки и впрямь остались отъ крѣпостного права. Старые актеры и актрисы живутъ воспоминаніями, по-маленьку интригуютъ, по-маленьку сплетничаютъ. Молодежь покрутъ ихъ,—эта зеленая, еще не опредѣлившаяся, еще не проявившаяся молодая труппа Малаго театра, почтительно безмолвствуетъ или работнистуетъ. «Такъ сказала Марья Изанонна»... «Такъ показали Иванъ Петро-ричъ»... Поди-ка, переубѣди ихъ! И въ этой средѣ жилъ да былъ независимый, живой и простодушный человѣкъ: Садовскій. Это былъ весельчакъ-дядя. Незлобно и тонко подтрунивалъ онъ надъ своими старинными пріятелями и пріятельницами, журилъ молодежь, не забывая и себя при случаѣ задѣть. Его всѣ любили и не сердились на

него.

Старый домъ,
Старый другъ...

Съ каждой новой смертью Малый театръ словно слѣзаетъ на одно окно. Жилой домъ малу-по-малу обрабащается въ склепъ. Въ полумракѣ колосниковъ, въ илли доко-рацій витають призракъ былыхъ триумфовъ. Маленькіе театральные гримы служатъ тамъ полусказачной причосъ Моли, оберегающей традиціи важной старины...

Садовскій—актеръ, Садовскій—писатель, Садовскій—москвичъ нынѣ оставилъ все это. Сложная, тишичная и даровитая личность его останется навсегда въ памяти москвичей. Бывало онъ самъ говаривалъ, смѣючись:

Рѣшительно скажу: одна
Другая слынется столица, какъ Москва...

Москвичъ съ головы до ногъ, каждой жилкой своей олицетворявшій московскій «духъ», Садовскій былъ драгоценнымъ образчикомъ русской природы со всеми ея рѣдкими свойствами. Москва искрошно оплачетъ своего любимца, а на Театральной площади въ старенькомъ «домѣ Щенкина» закроется еще одинъ глазъ...

Юр. Вѣллевъ.

Новое Время № 12347 — 28 июля 1910.